

Павел  
КАДОЧНИКОВ:

# ОСТАВИТЬ ДОБРЫЙ СЛЕД

В КВАРТИРЕ народного артиста СССР Павла Петровича Кадочникова тесно, пожалуй, только книгам: гостям же, друзьям, знакомым, свободно и уютно в доме, где много воздуха, света, теплоты. А за окнами — Ленинград, столь дорогой сердцу артиста.

Здесь он родился, был учеником слесаря на «Красном путиловце», учился в Театральном институте. Здесь впервые вышел на сцену. Его театальной «альма-матер» стал Ленинградский тюз. И пошла роли: романтический Лель в «Снегурочке», мечтательный Сказочник в «Снежной королеве», нежный Лизандр в шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь», величавый старец патриарх в «Борисе Годунове», всемь маленьких ролей в «Сказках Пушкина» и даже древний дед Тарас в пьесе Е. Шварца «Брат и сестра». Самому же Павлу Кадочникову было тогда не многим более двадцати!

— Что помогало вам в освоении такого сложного репертуара?

— Огромное желание работать, — улыбается Павел Петрович. — Впрочем, оно присуще было всему нашему коллективу. Мы с радостью брались за любую роль — от большой до самой крохотной эпизодической. К началу артистической деятельности я пришел с довольно весомым багажом жизненных впечатлений. Почти сразу после моего рождения из-за болезни отца родители были вынуждены уехать на Урал, в село Бикбарда, где и прошло мое счастливое и не очень обеспеченное детство. Отец часто брал нас с братом на охоту. И если я почувствовал сердцем, что такое восходы и заходы солнца, о чем шепчут камыши и свистит ветер и для чего человеку необходимы стихи, то обязан я этим моему отцу, безгранично любившему природу и носивше-

му в себе удивительный мир художника. Это очень важно для артиста — впечатления детства, отрочества. Очень важно сохранить в себе удивленность жизнью. Нельзя позволять своему сердцу «обратиться шерстью».

Примером для меня в этом смысле, да и не только для меня, остался величайший артист и человек Николай Черкасов. О совместной работе с ним вспоминаю как о счастливейших днях моей жизни. Он обладал удивительным даром озарять вокруг себя все каким-то особым светом.

Вот что необходимо актеру — не замыкаться на своих проблемах, не хиреть в ожидании того, что тебе предложат «нечто» — так можно просидеть и всю жизнь, а внимательно всматриваться в окружающий мир, жадно впитывать его созвучия, тренировать свою душу. А мы многое подчас упускаем.

Знаете, несколько лет назад судьба подарила мне неожиданную встречу с моей первой учительницей Антониной Васильевной Харловой. Она пришла на один из моих концертов, которые проходили в Перми. Мы долго говорили о нашей Бикбардинской школе; она достала из сумочки старую фотографию — на ней был запечатлен весь наш класс. Мы вспоминали каждого ученика и кем он стал теперь. Но о некоторых я ничего не смог сказать. Антонина Васильевна с грустным удивлением взглянула на меня, потом, как маленького, погладила по голове и сказала: «Товарищ детство всегда надо помнить, понимать, всегда».

...Я слушала его и думала о том, каким огромным запасом добросердечия, теплоты, любви к жизни, к людям, к своей профессии обладает сам Павел Петрович. Путь актера далеко не всегда усыпан розами. Удача — вещь переменчивая, а успех прехо-

дящ, как свежесть премьерных букетов. Невероятно представить, но после более тридцати сыгранных ролей в кино, после «Подвига разведчика» и «Повести о настоящем человеке», принесших артисту ошеломляющую популярность, в творческой жизни Кадочникова возник очень трудный период.

— Самым сложным в это время, — вспоминает Павел Петрович, — было заставить себя работать с полной отдачей. Я старался много ездить по стране с концертами, готовил программы, встречался с людьми. Непосредственное общение со зрителем придавало силы и оптимизм. А в кино происходила естественная смена поколений. И мне начинало казаться, что уже никогда не доведется испытать минут высокого вдохновения, которые возникали в работе с С. Эйзенштейном, братьями Васильевыми, С. Юткевичем, Б. Барнетом, А. Столпером. Но вот неожиданное предложение от Никиты Михалкова — сыграть старого Трилецкого в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино». Встреча с режиссером разрешила все сомнения, ему удалось доказать, что работа эта может быть до чрезвычайности интересна. С этого момента начался для меня совершенно новый этап в кино — увлекательной и плодотворной встречи с новой режиссурой. Радостно вспомнить и о совместной работе с Б. Мансуровым на съемках фильма «Сюда не залезают чайки». Интересно складывалась работа с В. Жалаловичусом в фильме по Чехову «Рассказ неизвестного человека», и с чилийским режиссером С. Аларконом, и с Б. Галантером над двухсерийным телевизионным фильмом «Жизнь Бетховена»...

— А есть ли, на ваш взгляд, что-то общее, характерное сегодня для ведущих молодых режиссеров, с кото-

рым вам пришлось работать?

— Григорий Козинцев сказал как-то, что не понимает человека, который хочет стать режиссером. Но понял бы того, кто выносил какую-то нужную, полезную идею, выносил и не может освободиться от нее никакими другими средствами — только кинематографом. Вот это в полной мере можно отнести к молодым творческим индивидуальностям, с которыми мне довелось работать.

Безмерно ценное качество в режиссере — ощутить скрытые возможности актера и убедить других в верности своего выбора.

Когда Сергей Юткевич приступил к съемкам фильма «Яков Свердлов», он пригласил меня, совсем еще молодого актера, на роль рабочего паренька с Мотовилихинского завода. Мы были практически ровесники с моим героем. Словом, играть было его не сложно. Но вот Юткевич предлагает в этом же фильме воплотить образ Алексея Максимовича Горького. На такое мог решиться только очень сильный режиссер, подбирающий актеров не только по типажному признаку.

Почему Сергей Михайлович Эйзенштейн утвердил меня на роль Владимира Ставровского, трудно сказать точно. Наверное, все-таки не только исходя из внешних данных. Потому что в «Иване Грозном» я сыграл еще хитрого, умного Евстафия, духовника царя. Когда начал снимать «пещное действо», он дал мне третью роль — Халдея, небольшого, но требующую иной актерской техники, нежели первые две. Эйзенштейн никогда не судил об актерах по коридорным впечатлениям, а исходил из того, что в них можно пробудить. Когда он начинал объяснять, то поража меня не только содержанием, но и формой изложения.

— Но, очевидно, у каждого актера должна быть и своя собственная линия, своя особая тема в творчестве в зависимости от его внутреннего мира, его психофизических данных?

— Обязательно. Порой даже можешь это отчетливо и не понимать. Во всяком случае в начале пути. Но точка отсчета должна быть. Для меня исходным всегда было и есть доброе начало в людях. Этому учили меня родители, а потом педагоги. И это было определяющим в работе над каждой ролью и в театре, и в кино. С годами я начал понимать, что моя тема — рассказывать о людях добрых, мужественных, красивых духовно, душевных. Но сформулировать для себя это, пожалуй, только теперь, когда начал анализировать, а тогда просто играл. Но все мои роли — и тихий, но волевой Алеша Мухин из фильма «Антон Иванович сердится», и чистый сердцем Владимир Ставровский, и мужественный майор Федотов из «Подвига разведчика», и сыгранные мною в ряде фильмов старики.

— Обладая данными, как принято говорить, героя, вам тем не менее приходилось играть много комедийных ролей?

— Просто по природе я характерный артист. Самую большую радость мне доставляет перевоплощение внутреннее. Когда не меняешь свой внешний облик, а предстаешь совершенно иным человеком, со своим особым душевным строем, отличным от того, что ты играл прежде. Именно это помогало мне и в создании героических образов.

Ведь в картине «Подвиг разведчика» роль, которую я играл, соединяла в себе две — майора Федотова и Генриха Эккерта, и надо было оба образа сделать отличными друг от друга. На пробах мне вручили текст, где

была фраза на немецком языке. Вот она-то мне никак не удавалась. Борис Васильевич Барнет, очень любивший артистов, верящий в них — вряд ли нужно говорить, как это помогало на съемочной площадке, — все пытался научить меня ее правильно произносить. И в конце концов я, уже почти в отчаянии от неудач, в точности передразнил Бориса Васильевича, воспроизведя фразу с буквой «р», произносимой им на особый лад и в повседневной жизни. Барнет крикнул: «Хорошо, прекрасно! Давайте снимать!» Так Эккерт стал грассировать, что типично для немецкой речи, и манера разговора слилась с его органикой, одновременно тем самым разделив два характера.

— Образ разведчика Федотова произвел большое впечатление на молодежь, фильм «Подвиг разведчика» пользовался почти легендарной популярностью, да и по сей день, спустя уже более тридцати пяти лет, вызывает интерес. Как вы думаете, почему?

— Прежде всего потому, что в руках талантливого человека и режиссера Барнета была превосходная литературная основа. Был полнокровный, не на котурны возведенный героический характер человека, беспредельно преданного делу, увлекающего своим патриотизмом и мужественностью.

Этим же объясняется успех и «Повести о настоящем человеке», снятой А. Столпером. Правда, здесь образ героя был не вымышленным, а имел реальный прототип. Навсегда мне запомнилась одна фраза Алексея Петровича Маресьева, которая стала своеобразным девизом: «Будете работать над образом Маресьева, помните только одно — я не один, нас много». Его слова заставили меня тогда вспомнить удивительную встречу,

которая впоследствии помогла мне еще глубже проникнуть в духовный мир моего героя. Мы с другом ехали на съемки «Ивана Грозного», дверь купе осторожно отворилась и появился небольшого роста человек в серой шинели, с котомкой за плечами. Он робко потоптался, застенчиво улыбнулся и спросил: «Робята, это место свободно будет?»...

...Трудно сдержать улыбку, когда Павел Петрович рассказывает какой-то случай «в лицах». Характеры он передает мастерски, тонко подмечая нюансы, манеру поведения, особенности речи. Ловишь себя на ощущении, что в беседе подключаются все новые и новые люди...

— ...Но вот наш пассажир, — продолжает рассказ Павел Петрович, — снял шинель, и я замер — на груди у него сверкала звезда Героя Советского Союза, ордена, множество медалей... Перед нами был настоящий русский богатырь! Но до чего же он был не похож на обычный шаблон плакатных богатырей!

Сходное ощущение испытал я, когда мне удалось побывать на БАМе, Атоммашстрое, у сибирских лесорубов, у дальневосточных рыбаков. Я познакомился с молодежью, искренне влюбленной в свое дело, работающей не ради «чинов», а по велению сердца. И, признаться, они были довольно далеки от тех стереотипных героев, которых нам время от времени предлагает экран.

— Павел Петрович, вы создали образы героев, снявших любовь у миллионов людей. Они олицетворяли все лучшее для людей вашего поколения. А каким должен быть герой современный?

— Думаю, человеческое содержание героического неизменно всегда. Чем отличаются герои революции и гражданской войны от героев Великой Отечественной,

ударники первых пятилеток от бойцов нынешних комсомольско-молодежных отрядов? Только периодами истории, историческими обстоятельствами, в которые им выпало жить и действовать.

Мы порой путаем понятия современный и злободневный. Появляются фильмы, а следовательно, и герои, которые вызывают мгновенный, острый интерес, но проходят острота момента, и лента перестанет волновать. А подвиг, подобный тому, который совершил Маресьев, возможен и в наши дни, и мы знаем немало тому примеров.

Понятно, что сейчас труднее создать образ, который нравился бы всем одинаково. Однако смог же Вячеслав Тихонов в ролях последних лет приковать к себе зрительское внимание, и герои Сергея Шакурова вошли в сердца многих и многих людей. Но в данных случаях, кроме актуального, интересного материала, оказались яркие актерские индивидуальные, активно повлиявшие на своих героев, прибавив им неповторимого блеска и обаяния, что и принесло особое признание. Но самое главное, что во все времена отличало истинных героев, — это огромная любовь к Родине и чувство высокой ответственности за нее.

...Именно об этом говорит в своих работах и режиссер Кадочников, в частности, в своей новой картине «Я тебя никогда не забуду», снятой по собственному сценарию. Разговор незаметно переходит в размышления о фильме, о том, что хотелось сделать его немного в духе безвозвратно ушедших добрых картин пятидесятых. О том, что надо чаще друг другу говорить хорошее...

А в дальнейшем от нас углы комнаты стоит большой скульптурный портрет Павла Кадочникова в роли Алексея Маресьева. Голова чуть наклонена вперед, словно порыв ветра ударил в лицо, твердый и ясный взгляд...

— По себе, — улыбается Кадочников, — добро надо оставить...

Н. БАТАЕН.

— 1 ДЕКАБРЬ 1983 г. — МОСКВА